

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Проанализовано понятие «мовна гра» у сучасній науковій парадигмі. Здійснено спробу визначити природу мовної гри та її основні характеристики. Встановлено, що мовна гра, з одного боку, виступає як навмисне відхилення від норми під час мовного експерименту з метою досягнення комічного ефекту, а з іншого – як використання риторичних засобів для створення красномовних, дотепних висловів.

Ключові слова: мовна гра, мовний жарт, комічний ефект, мовна аномалія, лінгвістичний експеримент.

Проанализировано понятие «языковая игра» в современном научном освещении. Предпринята попытка определить природу языковой игры и ее основные характеристики. Установлено, что языковая игра, с одной стороны, выступает как намеренное отклонение от нормы в ходе языкового эксперимента с целью достижения комического эффекта, а с другой – как использование риторических приемов для создания остроумных высказываний.

Ключевые слова: языковая игра, языковая шутка, комический эффект, языковая аномалия, лингвистический эксперимент.

The article is devoted to the study of the notion «language game» in the modern scientific interpretation. The author has tried to identify the nature of the language game and its basic characteristics. On the one hand, it is seen as the intentional departure from the norm within the language experiment to create humorous effect, on the other it is perceived as the usage of rhetorical techniques in creation of witty expressions.

Keywords: language game, pun, humorous effect, language anomaly, linguistic experiment.

В настоящее время объектом пристального изучения исследователей стало понятие «языковой игры» (ЯИ). Термин, принадлежащий австрийскому философу Л. Витгенштейну, в современной науке получил двойное толкование: первое – широкое, философское (вслед за автором), второе – узкое, собственно лингвистическое. В работе «Философские исследования» он впервые предположил, что все формы речевой деятельности человека и часть внеречевых форм деятельности связаны с языковой игрой: «...весь процесс употребления слов есть одна из тех игр, посредством которой дети овладевают своим родным языком. Я буду называть эти игры «языковыми играми» и иногда говорить о примитивном языке как ЯИ. Процессы называния вещей и повторения подсказанных слов тоже можно было бы назвать языковыми играми» [5, с. 7]. Под языковой игрой он также понимал «говорение на языке», всю человеческую речевую деятельность, порождающую единство «размытых смыслов», кодировка и раскодировка которых вовлекают участников коммуникации в процесс игры. ЯИ, по Л. Витгенштейну, – это первооснова, которая не поддается дальнейшему объяснению и анализу, как форма жизни и потому вся человеческая деятельность (и речевая, и даже отчасти внеречевая) есть совокупность языковых игр: «языковой игрой» я буду называть также целое, состоящее из языка и тех видов деятельности, с которыми он сплетен» [5, с. 7].

По мнению Э. П. Лаврик, «в более поздних исследованиях выявилась тенденция к рассмотрению языковой игры как сознательного языкового эксперимента, имеющего творческое начало и эстетическую природу» [8, с. 5]. Так, по ее мнению, одним из ведущих исследований об игре является работа Й. Хейзинги «*Homo ludens*» (Человек играющий), где были заложены основные принципы функционирования ЯИ как основополагающего фактора культурной жизни: «...человеческая культура возникает и разворачивается в игре, как игра» [17, с. 10]. Й. Хейзинга выделяет следующие наиболее важные признаки игры: ее свободный характер, выход за рамки обыденной жизни, ограниченность во времени и пространстве, повторяемость, порядок и напряжение, таинственность и маскировку [17, с. 11]. Принимая во внимание вышеуказанные признаки, ученый предлагает следующее определение игры: «...мы можем теперь назвать игру свободной деятельностью, которая осознается как «незавражду» и вне повседневной жизни выполняемое занятие, однако она может целиком овладеть играющим, не преследует при этом никакого прямого материального интереса, не ищет пользы, – свободной деятельностью, которая совершается внутри намеренно ограниченного пространства и времени, протекает упорядоченно, по определенным правилам и вызывает к жизни общественные группировки, предпочитающие окружать себя тайной либо подчеркивающие свое отличие от прочего мира всевозможной маской» [17, с. 33].

В языкознании явление ЯИ изучается достаточно активно, при этом наличие разных точек зрения на ее природу свидетельствует о неоднозначности данного феномена. Проведенный анализ исследований по ЯИ позволил выявить несколько тенденций в постановке самой проблемы существования данного явления и его отличительных признаков. Так, большинство исследователей отмечает такую особенность ЯИ, как намеренная аномальность, намеренное отступление от нормы. Т. А. Гридина дает следующее определение феномена ЯИ: «ЯИ есть сознательный языковой эксперимент (сознательно допущенная языковая неправильность), опирающийся на неканоническое использование языковых средств с целью создания остроумных высказываний. Создавая игровые высказывания, говорящий апеллирует к интеллектуальному опыту и способностям слушающего» [6, с. 37]. На основе теории ассоциативного потенциала слова Т. А. Гридина рассматривает операциональные приемы и механизмы ЯИ и предлагает, вслед за Е. А. Земской, классификацию «игрем», своеобразных:

- а) по форме;
- б) по содержанию;
- в) по форме и содержанию [6, с. 172–214].

Основой этой классификации являются окказиональные образования, представляющие собой не узуальные, не соответствующие общепринятому употреблению лексические единицы. ЯИ строится по принципу намеренного использования отклоняющихся от нормы и осознаваемых на фоне системы и нормы явлений: «языковая игра порождает иные, чем в узусе и норме, средства выражения определенного содержания или объективирует новое содержание при сохранении или изменении старой формы» [6, с. 7]. Таким образом, ЯИ размывает границу между «языком» и «речью», точнее, между кодифицированным литературным языком и разговорной речью. ЯИ «двунаправлена по отношению к языку и речи» [6, с. 7], вскрывая пограничные случаи функционирования языкового знака. Под общим термином «ЯИ» объединяются все «явления, когда говорящий „играет“ с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное» [7, с. 172]. Результатом особого внимания говорящего к форме речи являются осознанные отступления от нормы. Сюда можно отне-

сти все виды шуток, острот, каламбуров, разные виды тропов. Языковой игрой являются все случаи использования продуцентом речи средств языковой выразительности. Задача говорящего, играя, – «развлечь себя и собеседника, а для того выразиться необычно» [7, с. 174]. ЯИ, таким образом, – это обращение внимания при построении высказывания на саму форму речи с целью не просто сообщить что-либо, а вызвать то или иное эстетическое чувство (чаще всего это установка на комизм).

Н. Д. Арутюнова в статье «Аномалии и язык» определяет ЯИ как «последовательность действия отклонений от нормы, которая берет свое начало в области восприятия мира, поставляющего данные для коммуникации, проходит через сферу общения, отлагается в лексической, словообразовательной и синтаксической семантике и завершается в словесном творчестве» [2, с. 8]. Автор предлагает рассматривать ЯИ, оперируя понятиями нормы и антинормы в языке и рассматривая концептуальные поля для каждого из этих понятий. Такой функциональный подход к исследованию показал, что при всей нестандартности ненормативные образования подчиняются системным закономерностям функционирования языка.

Ю. Д. Апресян в работе «Языковые аномалии: типы и функции» дает классификацию языковых аномалий и выделяет среди них намеренные авторские и экспериментальные [1, с. 53]. Авторские аномалии, как отмечает автор, будучи наиболее хорошо изучены, используются, прежде всего, как выразительное средство, в частности, как средство ЯИ. Автор статьи указывает на то, что в стилистических целях можно «совершить насилие практически над любым правилом языка, каким бы строгим оно ни было» [1, с. 54]. Что касается экспериментальных аномалий, которые используются в лингвистике, то, по классификации Ю. Д. Апресяна, они-то и являются тем «насилием» над правилами языка, но создаются намеренно с целью получения нового знания о языке.

В трактовке Л. И. Сапоговой, ЯИ может рассматриваться как «процесс, акт, факт использования человеком его языковой способности как системы потенциальных языковых представлений для экспериментирования с разными уровнями языка с целью выявления в процессе игры их неожиданных возможностей, позволяющих испытывать чувство радостного восхищения перед феноменом языка и осознания своей власти над ним» [12, с. 216].

Т. И. Шатрова, обобщая рассмотрение ЯИ в общем ряду игр, утверждает, что ЯИ обладает следующими характерными чертами:

- свободная деятельность;
- творческая деятельность;
- деятельность, характеризующаяся системой говорящий–слушающий или автор–читатель;
- деятельность, направляемая системой эмоционально-психологических интенций ее участников;
- деятельность, характеризующаяся комическим отражением языковой картины мира;
- основа – язык со всеми его составляющими [19, с. 8].

Исследователь определяет ЯИ как «осознанный, целенаправленный процесс взаимодействия участников коммуникативного акта, основанный на неожиданной реализации свойств языковых форм и экспрессивных возможностей, детерминированный пониманием феномена языка и характеризующийся наличием определенной системы мотивов для экспериментирования» [19, с. 8].

А. Г. Баранов утверждает, что «в описании текстовой деятельности как языковой игры мы выделяем проблемы, включающие такие основополагающие понятия как «противные стороны», «победа», «конкуренция», «правило» – особенно

сти их проявления (или отсутствие) в естественном языке» [3]. Однородность текстовой деятельности предполагает выделение нескольких классов или форм языка, в которых обозначенные ключевые понятия игры проявляются различным образом. По мнению Н. Винера, в первой форме ЯИ «речь является совместной игрой говорящего и слушателя против сил, вызывающих беспорядок» [4, с. 100]. К этим силам он относит прежде всего «энтропическую тенденцию самой природы». Во второй форме ЯИ проявляется активный враг, который сознает свою собственную речь и целью которого является видоизменить и даже исказить смысл [4, с. 101]. Таким образом, во втором случае к обычной ситуации борьбы с энтропией добавляется факт «злой воли». В дополнение к этим формам ЯИ, сформулированным Н. Винером, А. Г. Баранов отмечает еще две формы: лингвистическую и исследовательскую. В лингвистической форме игры субъектами общения задействован метауровневый потенциал системы и функционирования языка. Исследовательская форма ЯИ существует самостоятельно. Она представляет собой эксперимент и направлена на стимулирование дискурсивной рефлексии исследователя, а также участников общения, по поводу метаязыковых и метатекстовых регулярностей текстовой деятельности [3].

А. В. Усолкина определяет ЯИ как «особую форму лингвокреативного мышления, являющегося результатом запрограммированного нарушения языковой схемы и осознанного отклонения от языковой нормы с целью достижения определенного эффекта (чаще всего комического)» [15, с. 9]. Согласно С. Ж. Нухову, ЯИ – это «такая форма речевого поведения человека, при которой языковая личность реализует способность к проявлению в речи остроумия, сопровождающегося возникновением комического эффекта. Получатель речи проявляет креативность при восприятии, благодаря «способности оценить игру, умение отгадать неразрешимую, на первый взгляд, лингвистическую загадку» [9, с. 36].

Наиболее фундаментальным исследованием, посвященным ЯИ, является книга В. З. Санникова «Русский язык в зеркале языковой игры», где ЯИ рассматривается как вид лингвистического эксперимента, позволяющего натолкнуть исследователя на серьезные размышления о значении и функционировании языковых единиц разных уровней систем языка (лексического, фонетического, словообразовательного, морфологического, синтаксического). По мнению В. З. Санникова: «ЯИ – это некоторая языковая неправильность (или необычность) и, что очень важно, неправильность, осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая» [11, с. 23]. Автор обращает внимание на то, что читающий должен понимать, «что это „нарочно так сказано“, иначе он оценит соответствующее выражение просто как неправильность или неточность» [11, с. 23]. Интересным также представляется введение ученым термина «языковая шутка» как вида ЯИ, целью которого является создание комического эффекта. Однако автор не проводит четкой границы между понятиями «языковая игра» и «языковая шутка», так как допускает возможность использования текстов для создания не только комического, но и других эффектов. В. З. Санников исследует природу шутки, указывая на ее две фазы: фаза отклонения от нормы и фаза «озарения» (комической радости). Соотношение между этими фазами породило две конфликтующие теории, а именно: теорию обманутого ожидания и комического шока.

По мнению И. В. Цикушевой, ЯИ тесно связана с реализацией комического. Ввиду использования ЯИ в коммуникации и связи с манипулированием образными ресурсами языка, ее следует рассматривать с позиций стратегий построения речи. Данный подход позволяет определить ЯИ как особую форму экспрессивизации речи, связанную с порождением комического эффекта на основе осознано-

го нарушения функционально-семантических закономерностей использования языковых форм. Поэтому уместным представляется говорить о реализации игры в речевой игре. И. В. Цикушева предлагает следующее определение ЯИ: «Осознанное и целенаправленное манипулирование экспрессивными ресурсами речи, обусловленное установкой на реализацию комического эффекта» [18, с. 170]. ЯИ разрушает понятийные и языковые «шаблоны», активизирует процесс восприятия художественного текста, стимулирует динамику создаваемых образов, привлекая внимание к парадоксальности суждений, внешнему алогизму, за которым нередко скрывается подтекст, важный для осознания художественного смысла. Сущность ЯИ состоит в дополнительных авторских смыслах, которые содержат в себе языковую выразительность и порождают комический эффект. «Понятие языковой игры следует рассматривать как специфический механизм индивидуального стиля и как жанровый признак. С одной стороны, наличие элементов ЯИ свидетельствует о креативном аспекте речетворчества конкретного автора, а с другой – оно может быть связано с типологическими признаками определенного стилистического жанра, например, детской сказки» [18, с. 170].

В. И. Шаховский также обращает внимание на реализацию экспрессивности в ЯИ, при этом он подчеркивает неразрывную связь экспрессивной, репрезентативной и адаптивной функций языка. «Под эмотивным кодом языка современная эмотиология (эмотиология) понимает семиотическую систему корреляций между психическими состояниями (эмоциями) коммуникантов и их концептуализацией (семантизацией, вербальными упаковками, т. е. оязыковлением)» [20, с. 101]. Наличие эмотивного кода во всех живых языках подтверждается эмоциональной сущностью *Homo Loquens*: человеком движет не сознание, не рациональность, а эмоция. В. И. Шаховский вводит понятие «эмотивная валентность», которое трактуется как потенциальный смыслообразующий фактор и фактор расширения зоны сочетаемости единиц языка и речи [20, с. 102]. За счет потенциальной эмотивной валентности возможно бесконечное количество подтекстов и, следовательно, неограниченный процесс смысло- и текстопорождения. Так как эмотивность, бесспорно, является языковой категорией [16, с. 37], а ЯИ без нее практически невозможна, то можно говорить о совместной реализации двух категорий, и предположительно, о ЯИ в качестве коммуникативной категории. В. А. Пищальникова отмечает, что «язык, как семиотическая система, не накладывает никаких ограничений на смысл. Эти ограничения накладываются ментальными стереотипами, поведенческими нормами, социальными институтами. Потенции означивания у языка бесконечны, отсюда и бесконечны сочетательные способности» [9, с. 74].

На наш взгляд, наиболее фундаментальным определением ЯИ стала дефиниция А. П. Сковородникова: «ЯИ – творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой/речевой, в том числе – стилистической, речеповеденческой, логической нормы) использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе – комического характера» [14, с. 802]. С одной стороны, ученый утверждает, что ЯИ является отклонением от нормы, но оно, по сути, эстетически мотивировано и употребляется осознанно в рамках идиостиля автора. При этом он указывает на возможность отклонения от разных норм и дает их краткую характеристику:

- **стилистическая норма** – «связана с функционально-стилевыми коннотациями языковых/речевых единиц (по линии «книжное – разговорное») или с коннотациями эмоционально-оценочными (по линии «высокое – сниженное»)» [13, с. 54];

- **речеповеденческая норма** – «представлена лингвопрагматическими максимумами, так называемыми качествами хорошей речи, правилами речевого этикета,

речевыми стереотипами, обслуживающими соответствующие социальные роли и типизированные социальные ситуации» [13, с. 55];

• **логическая норма** – «понимаемая как совокупность законов и правил формальной логики, может быть основой для создания комического эффекта, поскольку намеренно организуемые отклонения от логической нормы (алогизмы, или паралогизмы) выступают в качестве речевых (риторических) приемов, в отличие от логических ошибок, представляющих собой ненамеренные и немотивированные отклонения от логической нормы» [13, с. 56].

С другой стороны, А. П. Сковородников утверждает, что ЯИ неразрывно связана с категорией комического как семантическая категория, «в составе которой выделяются разновидности, различающиеся по степени представленности в них пейоративно-оценочной модальности (юмор, ирония, сатира, сарказм), и балагурство, которому свойственна не оценочность, а развлекательность [13, с. 59]. Автор поднимает вопрос о включении в ЯИ других функционально-семантических компонентов и риторического приема. Следовательно, ЯИ – «такое использование риторических приемов (приемов речевой выразительности), которое направлено на создание остроумных, преимущественно комических, высказываний, обладающих качествами меткости, оригинальности и неожиданности, а факультативно – качествами эксцентричности, эпатажности и причудливости в разных наборах и комбинациях» [13, с. 62].

Как показал обзор большого числа работ по ЯИ, исследования лингвистов охватывают широкий круг вопросов, связанных в первую очередь с толкованием самого понятия «языковая игра», ее природой, сущностью, соотношением с другими языковыми явлениями, при этом актуальным и еще не достаточно изученным остается вопрос классификации средств выражения ЯИ, особенностей ее функционирования в художественном тексте, а также реализации ЯИ в гендерном и когнитивно-коммуникативном аспектах.

Библиографические ссылки

1. **Апресян Ю. Д.** Языковые аномалии: типы и функции / Ю. Д. Апресян // Res Philologica. – М., 1990. – С. 50–71.
2. **Арутюнова Н. Д.** Аномалии и язык / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3–19.
3. **Баранов А. Г.** Формы языковой игры [Электронный ресурс] / А. Г. Баранов. – Режим доступа : http://tverlingua.ru/archive/005/5_1_3.htm.
4. **Винер Н.** Кибернетика и общество / Н. Винер. – М. : Изд-во иностр. лит., 1958. – 199 с.
5. **Витгенштейн Л.** Философские исследования / Л. Витгенштейн // Витгенштейн Л. Философские работы. – Ч. 1. – М. : Гнозис, 1994. – 612 с.
6. **Гридина Т. А.** Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1996. – 214 с.
7. **Земская Е. А.** Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М. : Наука, 1983. – 237 с.
8. **Лаврик Э. П.** Семантическое согласование как средство создания языковой игры / Э. П. Лаврик // Вестник Ставропольск. гос. ун-та 76/2011. – С. 5–12.
9. **Нухов С. Ж.** Языковая игра в словообразовании : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / С. Ж. Нухов. – М., 1997. – 39 с.
10. **Пищальникова В. А.** Языковая игра как универсальный когнитивный механизм (к проблеме межкультурной коммуникации) / В. А. Пищальникова // Актуальные проблемы исследования языка: теория, методика, практика общения. – Курск, 2002. – С. 73–75.
11. **Санников В. З.** Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М. : Языки славянской культуры, 2000. – 552 с.

12. Сапогова Л. И. Механизм языковой игры и их роль в создании комического / Л. И. Сапогова // Известия ТулГУ. – Сер. Психология. – Вып. 3. – Тула : ТГУ, 2003. – С. 224–236.
13. Сковородников А. П. Об определении понятия «языковая игра» / А. П. Сковородников // Игра как прием текстопорождения : коллектив. монография / под ред. А. П. Сковородникова. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2010. – С. 50–62.
14. Сковородников А. П. Языковая игра / А. П. Сковородников // Культура русской речи : Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М., 2003. – С. 796–803.
15. Усолкина А. В. Языковая игра как текстообразующий фактор: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / А. В. Усолкина. – Екатеринбург, 2002. – 20 с.
16. Филимонова О. Е. Язык эмоций в английском тексте / О. Е. Филимонова. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. – 259 с.
17. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2004. – 544 с.
18. Цикушева И. В. Феномен языковой игры как объект лингвистического исследования [Электронный ресурс] / И. В. Цикушева // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. № 90. – С. 169–171. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-yazykovoy-igry-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya>.
19. Шатрова Т. И. Языковая игра в англоязычных текстах комической направленности : процессы кодирования и декодирования : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Т. И. Шатрова. – Тула, 2006. – 21 с.
20. Шаховский В. И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи / В. И. Шаховский // Вопросы языкознания. – 1984. – № 6. – С. 97–104.

Надійшла до редколегії 05.12.12